

Историческая Истина

Ольга
Дмитриева

Ольга Дмитриева

Истовая истина

<https://litres.ru/74110453>

SelfPub; 2026

Аннотация

В городе, где самые абсурдные конспирологические теории оказываются правдой, герой пытается разгадать, кто стоит за этими странностями, даже если ответы будут стоить ему рассудка.

Ольга Дмитриева

Истовая истина

Глава 1

1

В магазине было жарко.

-Вж-вж, - муха летала над стеллажами, высматривая место для отдыха и трапезы.

В отделе круп копошился кто-то большой и мягкий.

- Вж-ж? – спросила муха и спикировала в сторону лысого островка на макушке человека.

В её мире вопросы ставились, превращались в гипотезы и молниеносно подвергались проверке. Времени для долгих и нудных размышлений, как у людей, не было. Именно мухи придумали выражение: «Жизнь слишком коротка: садись и питайся».

- Вж-жжж, - приземлившись, с облегчением выдохнула муха. Проворные хоботки начали исследовать местность.

- Вж! – воскликнула муха, обнаружив сладкие капли пота на голове человека - вот удача, но радость была недолгой – внизу что-то завибрировало.

Земля затряслась под лапками, откуда-то сбоку возникло что-то большое и понеслось прямо к мухе.

- Вжжжж! – панически закричала она и взмыла ввысь.

Муха подлетела к окну и, пару раз ударившись об стек-

ло, вылетела наружу, так и не познакомившись с источником своего страха.

Владельцем лысой макушки и большого мягкого тела оказался Живоглядов Эммануил Порфирьевич – биолог на пенсии.

Фигуры он был грушевидной, облачённой в лёгкие мужские брюки и рубашку, которую из-за жары пришлось неприлично расстегнуть на две пуговицы. На его ногах красовались блестящие кожаные мокасины, купленные за границей ещё лет двадцать назад. Можно было сделать вывод: в моде Эммануил Порфирьевич был не последним человеком, а может быть предпоследним и любил наряжаться, выходя из дома даже в магазин.

Мужчина почесал макушку и, достав из кармана рубашки расчёску, провёл ей по мокрым от пота седым волосам.

- Фух, ну и жарница! – громко произнёс он в надежде завести с кем-нибудь диалог о том «Какая нынче погода! А вот раньше бывало...» или «Эти магазины совсем ополоумели! Их кондиционеры вообще работают?», но никто не поддержал его порыв. Покупатели продолжили сонно плыть по магазину, минуя Эммануила Порфирьевича.

«Никто не оценил моё стремление», - с грустью подумал он и, вытерев пот со лба, продолжил изучение продуктовых полок: «Такс, посмотрим, что нам осталось прикупить».

Порывшись в кармане, Эммануил Порфирьевич вытащил смятый листок разлинованной бумаги, где чёрными, рас-

плывшимися чернилами был написан список:

- Колбаса
- Тревожный сыр (сердито зачёркнуто и исправлено на «творожный»)
- Молоко – 2 шт.
- Яйца
- Хлеб столичный
- Фарш мясной
- Картошка
- Лук

«Такс, стало быть, осталось прикупить колбаски и можно идти домой», - подумал мужчина и направился в мясной отдел.

- Порфирич! – произнесла розовощёкая продавщица. – Что сегодня желаем-с? У нас тут привезли такую баранину, обалдеешь. Или может быть курочку тебе, как обычно?

- Здравствуйте, - смущённо ответил он, вглядываясь в прилавок. – Мне сегодня, пожалуйста, только колбасу докторскую.

Продавщица провела рукой над прилавком, намекая на широту ассортимента:

- Колбаску значит? Какую тебе колбаску надо? У нас тут видишь, как много её. Обьешься, не хочу.

И, правда: одной только гладкой розовой докторской было пять видов, а ещё ветчина, сервелат и прочие.

- Да, много у вас её. Мне, пожалуй, вот эту, ту, что побли-

же...

— Вот эту? - продавщица направила палец с длинным красным ногтем в сторону прилавка.

- Да-да, спасибо.

— Это всё, голубчик?

- Всё-всё, - промямлил Эммануил Порфирьевич, удаляясь.

Общаться с продавщицей он не желал: «Покуда с ней говоришь, каким-то образом в корзине у тебя оказывается товара больше, чем ты рассчитывал, что влетает в копеечку на кассе».

Пора было идти оплачивать покупки, тем более что находиться в такую жару в душном помещении становилось невыносимо.

Эммануил Порфирьевич доковылял до кассы, шумно поставил корзину на пол и остановился, стараясь отдышаться.

«Чёрт бы побрал этот магазин. Лучше бы я сидел дома в такую жару. Дома хорошо и прохладно», - думал он, вытирая пот.

- Оплачивать будете? - процедила кассирша с высоким хвостиком светлых волос. – Мужчина, задерживаете кассу.

- Буду-буду. Кто ж виноват, что у вас так жарко... – пробормотал Эммануил Порфирьевич, торопливо выкладывая товары на ленту.

- Что-что вы там бурчите, мужчина? – сказала кассирша, сканируя товар. - Да, жарко у нас. Думаете, нам так нравит-

сы? Сломался кондиционер. А когда починят – неизвестно.

- Понимаю, ладно. По карте принимаете?

- Да, оплачивайте, мужчина, побыстрее.

Эммануил Порфирьевич так и не понял, почему кассирша его торопит, ведь за ним не было очереди, но послушно взял пакет и направился к выходу.

Вместо ветерка, который бы обдул лысину Эммануила Порфирьевича, даруя ему блаженство, его встретили неприветливая духота и мутное серое напряжённое небо, что часто бывает перед дождём.

«Чёрт тебя дери, сейчас ещё и ливанёт. Добраться бы до дому вовремя», - думал мужчина, прикидывая каким маршрутом ему лучше пойти. Тут его мысли прервал знакомый женский голос:

- Эммануил Порфирьевич! – со скамейки его окликнула девушка с гладким кукольным личиком и рыжими пушистыми волосами. – А вы чего гуляете и ещё не дома? Не видите, что ли какой дождь намечается?

Словно в подтверждение слов девушки, серое небо потемнело ещё больше, а откуда-то издалека раздался гром.

- Валечка! – воскликнул Эммануил Порфирьевич, приближаясь к девушке. – А ты чего здесь? Что читаешь? – сядь рядом, он указал на журнал с ярким оформлением. – Неужели это снова оно, ну, нет, Валечка. Ты ведь умная девушка.

Он взял в руки журнал с ярко-красным названием на об-

ложке «Истовая истина» и странным рисунком летающей тарелки и маленьких инопланетян, окруживших её словно насекомые.

- Какая пошлость, - с нескрываемым восторгом Эммануил Порфирьевич стал разглядывать обложку. – Что это у нас тут? Хм, зелёные человечки, хм, интересно. Страница десять. Поглядим-поглядим.

«Они уже среди нас!

Вы приходите домой и замечаете что-то странное?

Ваша мама ведёт себя иначе? Она насвистывает что-то под нос, хотя раньше такого никогда не было?

Будьте начеку!

Это уже не ваша мама – её захватил инопланетянин-паразит...»

- Ну, всё-всё, Эммануил Порфирьевич. Ну, не издевайтесь. Я знаю, что вы человек учёный и ни во что не верите...
- Валя забрала журнал.

- Верю, Валечка, верю, но только если это доказано наукой, - в знак важности своего заявления и преданности науке он направил вверх указательный палец. – Всему нужны доказательства.

- Но правда ведь, что прежде, чем явление будет доказано, может пройти какое-то время? В мире столько необъяснимых вещей, до которых наука пока не добралась!

— Это верно, Валечка. Но об этом явно не напишут в паршивой газетёнке Дороговещенска! Если бы такие явления

действительно существовали, то наука уже бы до них, так или иначе, добралась. А пока они больше вредят. Вызывают страх и панику у населения.

Валечка задумалась. Её взгляд, грустный и отрешённый, заинтересовал Эммануила Порфирьевича.

- Валечка, что с тобой? У тебя всё хорошо?

- Да-да, всё как обычно.

- Ты ведь знаешь, что можешь на меня положиться? Мы ведь не чужие люди. Я столько лет дружил с твоим дедушкой и пообещал ему за тобой приглядывать.

Валечка улыбнулась и ответила:

- Знаю, Эммануил Порфирьевич, знаю. Я очень это ценю, но не переживайте – я взрослый человек и сама со всем разберусь.

- В этом я не сомневаюсь. Ну, что, взрослый человек, давай попробуем не попасть под дождь?

- Да, пора домой!

Подгоняемые короткими вспышками молний в густом тёмно-фиолетовом небе, они добежали до пятиэтажного дома. Валечка открыла дверь в подъезд.

Внутри запахло сыростью из подвала. Добравшись до третьего этажа, они собрались прощаться, как вдруг на двери в квартиру Вали Эммануил Порфирьевич заметил странный символ, нарисованный белым мелом.

- Что это? – он подошёл к рисунку и пригляделся.

- Не знаю, дети, наверное. Постоянно что-то подобное вы-

творяют. Не переживайте, я позже сотру, - ответила Валечка.
– Вам помочь продукты донести до кухни?

- Нет, не нужно. Я хоть и старый, но пока не такой беспомощный. Спасибо тебе, Валечка, за компанию. До свидания,
- Эммануил Порфирьевич выудил из связки нужный ключ и открыл дверь из тёмного металла.

Войдя в квартиру, Эммануил Порфирьевич разулся, отнёс пакет на кухню, сел за стол и достал из кармана небольшой блокнот, в который сразу же занёс набросок символа с двери Вали. Это был глаз внутри скрещенных квадратов.

- Интересно, - произнёс он, убирая блокнот в карман брюк.

Позже, когда Эммануил Порфирьевич был занят готовкой картофельной запеканки, и всё в квартире наполнилось вечерним уютом, с лестницы послышались голоса, один из которых он узнал сразу. Это была Валечка.

Съедаемый любопытством, особенно присущим одиноким пожилым людям, он подошёл к входной двери и посмотрел в глазок.

На лестнице стояла Валя. В домашнем халате, скрестив руки на груди, она с кем-то ожесточённо спорила.

- Нет, ты не понимаешь! – услышал Эммануил Порфирьевич голос Валечки.

- ... - сказал другой низкий, женский голос.

- Нет, и я не собираюсь оправдываться за... - остаток предложения утонул в гуле подъезда. - Нет, пусть разбираются с

этим сами. У меня своя жизнь. Скажи им отстать от меня и не надо здесь мусорить! – Валечка потянулась вперед, забрала у собеседницы сигарету и затушила её о каменный пол.

– Что с тобой? Ты никогда не курила. Всё, уходи, – резко сказала Валечка, отмахнулась и с силой захлопнула дверь.

Эммануил Порфирьевич весь обратился в слух, пытаясь узнать ещё что-то, но кроме тяжёлых шагов, не услышал ничего.

Оторвавшись от двери, он почувствовал неприятный запах сгоревшей еды и бросился спасать запеканку.

- Чёрт! – дно стеклянной формы почернело.

«Если снизу отковырять картошку, то есть будет можно».

Вспомнив про загадочную гостью, Эммануил Порфирьевич ринулся к окну, но никого интересного там не увидел. Должно быть, пока он спасал свой ужин, человек-загадка успел уйти.

Утро Эммануила Порфирьевича начиналось рано - около семи.

Прежде всего, он чистил ряды оставшихся зубов, причёсывался и споласкивал лицо ледяной водой – для свежести и упругости кожи.

Затем завтрак: два яйца, сваренные вкрутую, кусочек колбасы, сыра и хлеба. Экспериментов с едой он не любил, ведь знал, что именно такой приём пищи насытит на несколько часов и будет полезен для его уже немолодой системы пищеварения.

И не забыть про чашечку кофе – чёрного, ароматного и из любимой кружки с фотографией кошки.

Кстати, о кошке – следующим утренним ритуалом было покормить Пупу.

- Эй, - произнёс Эммануил Порфирьевич, когда его с ног чуть не сбило нечто чёрное и блестящее с ярко-жёлтыми глазами. – Пупа, куда ты так бежишь? Не надо подчищать весь корм, ты ведь снова объешься!

Оказавшись на кухне, Пупа с невинным видом облизнулась. Она посмотрела на Эммануила Порфирьевича и, протянув многозначительное «мяу» указала лапой на пустую миску.

- Ха! Как ты успела? Я уверен, что она была наполовину

полной, - проворчал Эммануил Порфирьевич, извлекая новый пакетик с кормом из шкафа. – Ах, ты хитрюшка моя, ах ты хрюшка! Ну, хорошо, вот ваш завтрак, миледи.

Миледи холодно взглянула на Эммануила Порфирьевича и с жадностью изголодавшегося хищника вгрызлась в новую порцию корма.

- Теперь пора и мне позавтракать, если вы не против.

Из глубины миски послышалось «мурааау» из чего можно было сделать вывод, что дальнейшая личная жизнь «хозяина» Пупе неинтересна. По крайней мере, до обеда.

Два яйца уже стучали в ковшике, когда Эммануил Порфирьевич постелил на маленький круглый стол симпатичную голубую салфетку с узором, на которую поставил тарелку с приборами и подставку для яиц.

После завтрака можно было насладиться чтением, но сегодня слова и предложения собирались в ком, пропадали и сваливались куда-то в глубину подсознания.

Эммануил Порфирьевич думал о событиях вчерашнего дня, об осторожном поведении Валечки, о фигуре на лестнице и, конечно, о загадочном символе на двери соседки. Странное чувство тревоги росло и копошилось внутри. Надвигалось что-то неведомое, неотвратимое.

Эммануил Порфирьевич отложил книгу и направился в гостиную. Там он нашёл на книжной полке рамку с фотографией, где был изображён он, ещё не испещрённый морщинами, и симпатичная брюнетка со светлыми глазами и боль-

шим прямым носом, подчёркивающим благородность её лица.

«В последний раз я испытывал это чувство, когда ты болела, и уже становилось понятно, к чему всё идёт, Лидочка, - подумал Эммануил Порфирьевич и протёр стекло рамки рукавом рубашки. — Я знаю, что ты бы сказала: не тревожься о том, что пока не произошло. Ты была бы права, но что я могу сделать, если так уж я устроен — хочу заранее подготовиться к потрясениям и держать всё под контролем».

Он вздохнул, поставил рамку с фотографией на место и осмотрелся.

У окна, на небольшом письменном столе, стояла кофейная кружка, и были разбросаны листы бумаги. Вчерашний костюм прикорнул с подушками на тёмно-зелёном диване, а кофейный столик покрылся крошками и пятнами чая. Светло-бежевый ковёр потускнел от пыли, кошачья лежанка вся покрылась чёрной шерстью.

Эммануил Порфирьевич принялся за уборку - протёр пыль, пропылесосил ковёр, вымыл полы (отчего у него в поясице что-то заклокотало и позже заболело), поухаживал за растениями на балконе, уделив внимание каждому листочку и веточке.

После Эммануил Порфирьевич лёг на диван с чувством полного удовлетворения. Даже тревожные мысли улетучились сами собой.

— Вот теперь мне легко и блаженно, - произнёс он, ски-

дывая тапки с опухших ног с похожими на ветви дерева выпуклыми венами.

- Мрау! - произнесла Пупа, запрыгивая на диван к «хозяину», чтобы улечься к нему на грудь.

Всё в квартире стало вдруг уютно, воздушно и бедный разум Эммануила Порфирьевича, наконец, освободился от старческой плоти и улетел далеко, туда, где всё вторит этому миру, но иначе, с фантазией и вкусом.

Проще говоря, Эммануил Порфирьевич уснул. Прежде чем страна снов его затянула, он почувствовал, как по его телу прогуливается муха, но не стал её прогонять.

Эммануил Порфирьевич обнаружил себя сидящим на фонаре. Его крохотные кривые лапки чистили крылышки.

Внизу шумная толпа людей шла строем в сторону большой сцены, украшенной флагами и шариками.

«День города, - догадалась муха Эммануил Порфирьевич, почёсывая тельце. – Разве он не через месяц? О чём там говорят со сцены?».

Встряхнув крылышками, он взлетел и направился ближе к представлению. Кто-то в толпе показался ему знакомым, и он завис в воздухе.

Девушка мотнула головой, разметав тёмные локоны по широким, но хрупким плечам. На ней было пёстрое платье с короткими рукавами. Она шла уверенно, и было неясно, улыбается ли тому, что видит впереди или тому, что таилось в её мыслях.

Эммануил Порфирьевич так обрадовался, что совершенно забыл о своём текущем положении и закричал беззвучно: - Лидочка! Лидочка, что ты тут делаешь?

Предсказуемо никто его не услышал, и толпа продолжила ровное движение в сторону сцены.

Эммануил Порфирьевич ругнулся и полетел за женой.

Оказалось, что не только люди его не понимали, но и он перестал понимать человеческую речь. У сцены, в самой гу-

ще событий, он услышал речь мэра города - Усталовой Ирины Васильевны:

- Бббббам ббуууууббббауауауаауа бабау, - поправив похожую на парик прическу седых волос, она что-то рассказывала толпе. – Буумубббум бубу бум, бум?

Толпа волнообразно и лениво что-то ответила, и мэр продолжила.

- Бубубум бубум! – тон её стал торжественным. – Бум!

Вдруг Эммануил Порфирьевич почувствовал вибрации воздуха и заметил сзади что-то яркое.

Через секунду испуганная толпа бежала. Кто-то взбирался на сцену, кто-то падал. Эммануил Порфирьевич заметался в воздухе, заразившись этим страхом, и искал глазами жену.

Лидочка забралась на сцену, но вместо того, чтобы бежать, уверенной рукой взяла микрофон и сказала:

- Маня, берегись!

Эммануил Порфирьевич проснулся.

Пупа мирно похрюкивала во сне, прижавшись к его боку.

Эммануил Порфирьевич сидел в любимом кресле из мягкой коричневой ткани и читал. На коленях лежала Пупа, смешно подёргивая усами, словно что-то унюхав во сне.

Чтение не шло, и он отложил книгу.

Поглаживая кошку, Эммануил Порфирьевич вспоминал сон, силясь разгадать его тайну.

«День города или какой-то другой праздник. Толпа. Лида».

Его бровь предательски зачесалась, пришлось прервать размышление и начать заново:

«Праздник. Толпа, а в ней Лида, которая чему-то улыбается. Или нет? Не помню, но точно не смотрит вперёд на сцену. На сцене мэр города или кто-то похожий на неё, со странной причёской».

Теперь зачесалось ухо и так сильно, что Эммануилу Порфирьевичу пришлось прекратить гладить Пупу, чтобы освободить обе руки для чесания.

Пупа недовольно мяукнула, спрыгнула с колен «хозяина» и, чтобы снять стресс, направилась в кухню, к миске с едой.

«Ладно, ещё раз. Праздник. Толпа. Лида. Сцена и... Было что-то ещё. Какой-то взрыв, но не совсем. Он был яркий. Что-то светило отовсюду. Может быть, это был не взрыв, а салют? Точно, - он встал и размял затёкшие ноги. - Салюты

у нас проводят только в день города или на Новый год. Но если это был всего лишь салют, то почему все бежали?».

Эммануил Порфирьевич вышел на балкон, где всё было занято горшками разных размеров: на подоконнике гордо стоял алоэ, стреляя вверх тёмно-зелёными листьями; на стеллаже притаились бегонии с красными цветками и, наконец, гордость Эммануила Порфирьевича – калатея, изумрудные листья которой были испещрены белыми прожилками.

«Они бежали от салюта, а потом Лида со сцены пыталась мне что-то сказать, и я её понимал, – он полил растения и проверил землю – у любимой калатеи просела почва. – Надо купить ещё земли. Зайду в магазин во время прогулки. Что она сказала во сне? Не помню».

Эммануил Порфирьевич вспомнил о жене.

Больничная палата, бледно-зелёные стены обшарпаны и убоги. Бессилие и злость. Тонкая и бледная рука жены, где вены-веточки светятся бирюзой - так красиво и так страшно.

Вечером, прихрамывая на левую ногу, Эммануил Порфирьевич тащил домой из магазина мешок с землёй для калатеи.

Город погрузился во тьму, и мужчина пожалел, что не взял с собой фонарик.

Подходя к дому, он услышал незнакомые голоса. У гаражей неприметно стоял чёрный фургон с тонированными стеклами.

«Что-то тут нечисто».

Он спрятался за деревом и стал наблюдать.

Тихо переговариваясь, незнакомцы нервно оглядывались по сторонам. Эммануил Порфирьевич не мог никого узнать - их лица были скрыты капюшонами.

Внимание его привлекла наклейка со странным рисунком на заднем стекле фургона.

«Где-то я уже это видел...».

Из темноты вышел ещё один тип в капюшоне. Рядом с собой он вёл девушку. Когда она подошла к открытой дверце машины, фонарь осветил её испуганное лицо и связанные руки.

- Валя, - тихо выдохнул Эммануил Порфирьевич.

Теперь он вспомнил, где уже видел этот знак на стекле автомобиля. Точно такой же символ был изображён на две-

ри квартиры Валечки. От ужаса у Эммануила Порфирьевича что-то затрещало и заболело в груди.

Двери машины захлопнулись, и незнакомцы уехали.

Эммануил Порфирьевич вглядывался в темноту, поглотившую Валю и её похитителей.

Глава 2

1

Эммануила Порфирьевича одолевали сомнения. Неужели ему почудилось? Это точно была Валя? Не забыл ли он сегодня поужинать? Куда пропал мешок с землей, который он нёс домой? И, наконец, в здравом ли он уме?

«Я ведь уже не мальчик и иногда плохо соображаю. Могло ли мне всё это привидится? - размышлял он, возвращаясь домой. – Сейчас поздно и я разбужу Валию своим визитом, но ничего. Мне нужно убедиться, а на телефон она не отвечает».

Одинокая лампа тускло освещала лестничную клетку. Постучавшись к Вале, Эммануил Порфирьевич подождал, но никто не открыл. Проведя пальцем по символу на двери, он тихо произнёс:

- Нет, не показалось...

- Валюша, не бегай! – вытирая очки, произнёс пожилой мужчина.

Жестом он предложил Эммануилу Порфирьевичу печенье:

– Ладно, о чём это я? Помнишь, как мы с тобой сбежали с уроков математики? У нас тогда вела эта ужасная...

- Лариса Васильевна, - ответил Эммануил Порфирьевич.
– Постоянно наказывала за то, что мы смеёмся и болтаем.

- Так вот выпрыгиваем мы из окна туалета на первом этаже и тут как тут директриса. И спрашивает: «И куда это вы, голубчики, собрались»?

- Ага, а ты ей: «Это мы свежим воздухом подышать хотели перед душной математикой».

- Точно! – мужчина расхохотался, раскачивая тяжёлое тело из стороны в сторону.

Из-под стола вылезла девочка и протянула руки к мужчине:

- Деда, и-го-го!

Он поднял её и усадил себе на колено:

- Ух, полегче, Валюша, не дави на живот! У деда сейчас чай назад польётся. Держись, и-го-го, поехали!

Смеясь, Валя старалась удержаться, пока не увидела что-то более интересное, из-за чего спрыгнула и убежала.

- Вот ведь энергия! Смотри, Маня, когда я умру, тебе следить за моей внучкой, – глаза мужчины стали серьёзными. – Если с ней что случится, будешь передо мной отвечать на том свете. Согласен?

- Хорошо, Гош, - смеясь, ответил Эммануил Порфирьевич. – Только ты не спеши себя хоронить.

- Не буду, но помни, что ты мне обещал!

Гоша отхлебнул чай и посмотрел вокруг. Дачный дом, небольшой двор со стриженной травой, друг в плетёном кресле и внучка, играющая на грядках.

Полицейский участок города Дороговещенск был угрюм и малообитаем. Преступления в городе случались редко и носили лёгкий характер: то мужики развяжут драку из-за бутылки, то местный бездомный по прозвищу Шлагбаум уснёт на крыльце аптеки, то нужно провести профилактическую беседу с подростком о недопустимости кражи сухариков из магазина.

Когда на пороге участка появился печальный Эммануил Порфирьевич его встретили настороженно.

- Здравствуйте, присаживайтесь, – произнёс молодой полицейский. – Ну, что у вас случилось? Снова Пупа сбежала или подозрительные звуки на участке соседа?

- Привет, Петя, нет, - мужчина грузно опустился на стул, отчего тот прогнулся, натянув до предела железные прутья.

Петя отложил отчёт, над которым работал и произнёс:

- Тогда подождите пять минут.

Он прошёл в угол кабинета к непримечательному креслу, на котором лежала куча вещей.

- Шлагбаум, - обратился он к куче. – Давай, просыпайся. Идём, пока посидишь в камере, целее будешь. Потом с тобой беседу проведу.

Бельё сначала ответило строгим молчанием, а потом издало еле слышное недовольное: «mmm». Только тогда Эмма-

нуил Порфирьевич почувствовал зловонный запах.

- Давай-давай, никто тебя ждать не будет! Ты хочешь, чтобы я превысил свои полномочия? – Петя взял с подоконника пульверизатор и направил на Шлагбаума.

Куча белья заметно оживилась и тут же собралась внутри кресла в полноценного человека, лицо которого, оплывшее и красное, видало лучшие времена.

Шлагбаум с трудом встал, поправил накиданное тряпье, и заученным маршрутом отправился к камере, но, проходя мимо Эммануила Порфирьевича, вдруг остановился.

Он безумно посмотрел на него и сказал басовитым голосом:

- Оно работает по своим правилам, только тогда оно может проявиться! Так и случилось. Прячь всё, что при тебе, иначе оно заберёт это и будет худо!

- Что? – Эммануил Порфирьевич заёрзал на стуле. – О чём это ты?

- Ой, да не слушайте вы его. Вы что его не знаете? – Петя вернулся за свой стол. – Шлагбаум, иди в камеру, кому говорю!

Лицо Шлагбаума приняло скучное выражение, и он послушно вышел из кабинета.

- А разве камера в той стороне?

- Да? Ой, да и фиг с ним, – ответил Петя. - Пусть идёт куда хочет. Одна морока с ним, а что ему предъявишь? Мало моетесь и ложитесь спать, где попало? Пусть идёт. Лучше

расскажите, что с вами произошло?

- Валю похитили.

- Какую Валю? Нашу?

Эммануил Порфирьевич вспомнил, что они с Петей были одноклассниками.

- Да, нашу Валю.

- Вы уверены?

Эммануил Порфирьевич кивнул и стал вытирать платочком заблестевший от пота лоб.

- Хорошо, тогда опишите, пожалуйста, как именно это произошло, - Петя начал заполнять какой-то бланк.

- Вчера я возвращался домой из магазина и вдруг увидел...

- В каком часу?

- Простите?

- Нам нужно точное время. Во сколько вы возвращались?

- Точное время я не подскажу. Было около девяти, было уже темно. Десять. Пусть будет десять часов вечера.

- Хорошо, так и запишем. Десять. Продолжайте.

- Я увидел, как несколько человек ведут Валю в машину.

- Почему вы решили, что это похищение?

- Её руки были связаны. Что же это ещё, по-вашему? Какая-то игра?

- Хорошо, а кто были эти люди? Похитители?

- Этого я, увы, не понял. Их лица были скрыты. Если подумать, они все были одеты в толстовки с капюшонами.

- Значит, это было спланировано. Интересно, - Петя за-

думчиво прикусил ручку. – Что ещё вы успели заметить? Вы сказали, что её посадили в машину. Что это была за машина?

- Чёрный фургон. Номер я не увидел. Возможно, он был скрыт. И ещё, - Эммануил Порфирьевич порылся в кармане рубашки и достал блокнот. – Запишите, что на фургоне был такой символ. До этого я заметил такой же на её двери.

- На двери? Интересно.

- Кхм-кхм! – в кабинете появилась высокая женщина со светлыми волосами, убранными в тугой пучок. – Петя, мне нужно отойти по делам. Подойди на секунду.

- Сейчас, Ольга Георгиевна. Простите.

Несколько минут Эммануил Порфирьевич смотрел на символ в блокноте, силясь понять, как он связан со всем, что произошло. В бойлере поднимались пузырьки, издавая раздражающий булькающий звук.

Наконец, дверь открылась, и Петя вернулся за стол:

- Ну, я получил от вас всю нужную информацию. Если через два дня Валя не появится, то мы объявим её в розыск.

- Два дня? За это время её могут убить или увезти так далеко, что мы её точно не найдём!

- Тем не менее, это стандартная процедура. По-другому мы не можем. Есть масса других дел, требующих нашего вмешательства.

«Других? Зачем он врёт? У нас ничего не происходит».

- Так, и дайте свой блокнот.

— Это ещё зачем? Он мне нужен.

- Хорошо. Тогда дайте хотя бы сфотографировать символ.

Эммануил Порфирьевич сжал в руках блокнот и раскрыл перед полицейским нужную страницу.

- Смотрю, вам очень дорог этот блокнот, - задумчиво произнёс Петя. – Так. Можете идти, Эммануил Порфирьевич.

— Это всё?

- Да, мы вам позвоним, как только что-то узнаем.

Эммануил Порфирьевич убрал платок и встал. Пружины стула с облегчением скрипнули.

Ему не понравилось, с каким равнодушием приняли его заявление о пропаже Валечки. Покидая кабинет, он в последний раз окинул комнату взглядом — искал подтверждение своим сомнениям, но так ничего и не нашёл.

Среди привычных мыслей — о несправедливости мира, загадках современности и о том, сколько ещё осталось Пупе, — притаилось чувство, которое он боялся назвать. Смутное, липкое, как улитка.

Беспокойство.

«Будут ли они вообще её искать?» - подумал он.

Дома Эммануил Порфирьевич постарался успокоиться.

В послеобеденное время пожилому организму необходимо поспать, но как ни старалась Пупа убаюкать Эммануила Порфирьевича, тому было не до сна.

Он думал о Вале, о том, как ей сейчас страшно. Снова и снова перед глазами появлялась сцена похищения, где неизвестные сажали беззащитную девушку в страшный тёмный фургон без опознавательных знаков.

Эммануил Порфирьевич сжал морщинистый кулак: «Знал бы я кто это, то скрутил бы их в собачий хвост!».

Он посмотрел на Пупу, и ему показалось, что её большие жёлтые глаза смотрят на него с осуждением. Тогда он сказал:

- Ну, что я сделаю, Пупа? Не смотри так на меня!

Пупа пошевелила ушами и продолжила смотреть на своего человека.

- Пупа, я всего лишь жалкий старик с туманным, драматичным прошлым и варикозом. Я не герой! Как я могу помочь Вале?

- Мрааау! – возмутилась Пупа.

- Допустим, но ведь я даже не знаю, кто её похитил. С чего мне начать?

Пупа демонстративно спрыгнула с дивана и направилась на кухню.

- Ну, отлично, спасибо за совет. Иди есть, - возмутился Эммануил Порфирьевич и сел.

Внезапно его осенило. На холодильнике, украшенном магнитиками, лежали ключи Вали, которые она оставила ему на экстренный случай.

Эммануил Порфирьевич не привык входить в чужие квартиры без спроса, но выбора не было. Он уже бывал здесь — ухаживал за растениями, пока Валя была в отъезде.

Наполняя водой кувшин, он заметил фотографию на холодильнике. Валя обнимала крупную женщину с пышной причёской чёрных волос. Эммануил Порфирьевич узнал в ней дочь своего друга, Валину тётю, с которой их семья не общалась уже много лет, с тех пор как та уехала в другой город.

«Когда она вернулась? — размышлял Эммануил Порфирьевич, поливая растения. — Кажется, я не видел её в городе. Почему она уезжала? Дайте-ка вспомнить. Кажется, она мечтала стать актрисой и уехала покорять столицу».

Тяжело вздыхая, он сел на диван, но что-то предательски впилося ему в место, о котором в приличном обществе умалчивают, но которое, как известно, играет ключевую роль в пищеварении.

- Ай! — заёрзал он, шаря рукой в поисках источника дискомфорта, пока, наконец, не вытащил свернутый и зажатый между складками дивана журнал с яркой обложкой.

«О, я помню эту чушь. Ещё и название претенциозное — Истовая Истина. Какой графоман мог такое выдумать? Какая истина? Вам до неё как до Египта!».

На лестнице послышались тяжёлые шаги. Через минуту кто-то, ворча и ругаясь, начал открывать входную дверь Валиной квартиры.

«Похитители могут вернуться и нужно быть начеку», - подсказала интуиция Эммануилу Порфирьевичу. Машинально засунув журнал за пояс брюк, он юркнул за плотные шторы.

Владелец тяжёлых шагов, наконец, справился с дверью и вошёл.

- Где мы прячем? – раздался странный писклявый голос, словно градиентом разливающийся по пространству.

- Мы прячем где-то в квартире. Я уверен, - отвечал ему тот же голос.

По телу Эммануила Порфирьевича побежали мурашки. Он вжался в стену и затаился.

- Мы будем прятать это в кухне или здесь?

- Мы любим кухню. Давай искать в кухне.

Эммануил Порфирьевич услышал, как открываются шкафчики, и гремит посуда.

«Может быть, это мой шанс убежать?»

Он высунулся из-за шторы, но тут же шмыгнул обратно, заметив, как кто-то возвращается из кухни.

Эммануил Порфирьевич увидел зеркало, в котором отражалась незнакомка.

«Это Валина тётя?»

Он узнал женщину с фотографии, но выходить из укрытия

не соби́рался.

«Что-то с ней не так».

Она отличалась от фотографии: её волосы были убраны в высокий платок на восточный манер.

Женщина села в кресло, и губы её слегка зашевелились:

- Мы хотим курить.

- Покурите, но недолго.

Женщина подожгла сигарету и затянулась. Воздух задрожал от странного писклявого кашля.

«Тогда на лестнице Валя с кем-то говорила о курении. Может быть с ней?..».

Женщина затушила сигарету и начала обыскивать диван, книжные шкафы, полки с растениями.

Эммануил Порфирьевич чувствовал её мрачное присутствие всё ближе и ближе пока, наконец, странный голос не произнёс:

- Мы должны осмотреть ванную. Здесь мы не видим.

- Мы пойдём в ванную.

Быстрым шагом женщина скрылась из виду.

«Да что с ней такое? Не думаю, что успею незаметно выйти пока она тут, - он потёр больное колено. – Подожду, пока она закончит».

- Мы не нашли, - раздался раздосадованный писклявый голос.

- Мы будем искать в другом месте.

Входная дверь закрылась на ключ. Поражённый Эмману-

ил Порфирьевич вышел из-за шторы.

Покидая квартиру Вали, он обнаружил, что символ на двери пропал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.